

лось бы, далекое отношение к вопросу о связях трагедий Сумарокова с драмой петровской эпохи, на фоне той роли, которую выполняет любовная коллизия в пьесах драматурга, становится показателем таких связей.

Разумеется, мы далеки от мысли о прямом влиянии инсценировки «Повести о Петре Златых ключей» на первую трагедию Сумарокова. Налицо типологическая близость ситуаций. В самом изображении внутренней борьбы, происходящей в душе каждого из влюбленных, метод Сумарокова носит явные черты воздействия французских классиков. Но важно рассматривать этот метод в контексте национальных драматургических традиций того времени.

Сложнее обстоит дело с пониманием Сумароковым той стороны моральной направленности его трагедий, которая находила свое воплощение непосредственно в создании драматической интриги. Осознание Сумароковым своих трагедий как школы дворянства и государей было для своего времени естественно и закономерно. Однако пытаться подходить к вопросу генезиса драматической системы Сумарокова и понимания им сущности трагических положений, исходя только из его общих представлений о конечной воспитательной роли литературы, было бы недостаточно. Источники выработки таких представлений для XVIII в. столь многообразны, что, сосредоточившись на их отыскании, можно вообще упустить из поля зрения конечную цель и предмет исследования. Нам важно уловить истоки художественной системы трагедий Сумарокова, конкретные пути воплощения драматургом трагических ситуаций. В данном случае происходило нечто подобное тому, что мы отмечали только что при рассмотрении функции любовных коллизий в ранних трагедиях Сумарокова.

С одной стороны, овладевая искусством строить драматическую интригу, Сумароков явно следовал Вольтеру. Авторитет Вольтера для Сумарокова был всегда непререкаем.²¹ Влияние его на драматургию Сумарокова не подлежит сомнению. Мы не можем сейчас останавливаться на вопросе текстовых заимствований Сумарокова у Вольтера: это особая область, частично уже освещенная в литературе.²² Если же говорить о структурных соответствиях ранних трагедий Сумарокова с пьесами Вольтера как возможными образцами, на которые тот мог ориентироваться, то, по-видимому, в первую очередь следовало бы назвать трагедии Вольтера «Брут» и «Меропу». Кстати, обе трагедии были упомянуты Сумароковым в примечаниях к «Епистоле о стихотворстве» (1747).

---

²¹ Детально вопрос об отношении Сумарокова к Вольтеру рассмотрен в работе П. Р. Заборова «Вольтер в русских переводах XVIII века» (в кн.: Эпоха просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967, стр. 127—140).

²² Там же, стр. 130—131.